

Петр Ингвин

ВЫ НЕ ХОТИТЕ ЛЕТАТЬ

12+

Из цикла «К Свету»

Петр Ингвин

Вы не хотите летать

«Автор»

2019

Ингвин П.

Вы не хотите летать / П. Ингвин — «Автор», 2019

Недалекое будущее. Луну включили, Земля разделилась, и в каком из миров тебе жить, определит экзамен. Для успеха важны не слова или знания, а поступки в ситуациях, где решает не мозг, а душа. Цитата из книги: «И что ты мне сделаешь, дорогуша? Ударишь добротой? Пырнешь вежливостью? Или запинаешь до смерти сочувствием и великодушием?» (Автор обложки - Галина Николаиди).

© Ингвин П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть конечная. Бренный	5
Глава 1. Андрики. Птерики. Полеты	6
Глава 2. Подарок. Поручение. Добро с кулаками	13
Глава 3. Пора. Полет. Добро пожаловать	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Петр Ингвин

Вы не хотите летать

Часть конечная. Бренный

Вы – соль земли. Если соль потеряет силу, что сделает ее соленою? (Евангелие от Матфея)

Глава 1. Андрики. Птерики. Полеты

Пока веки не пощекотало солнце, Соня летала. Чудесное ощущение. До того как Луну включили и Земля разделилась, люди летали на специальных аппаратах и, в последнее время, на птериках. Скоро Соня опробует другой способ, уже сегодня, когда Луна будет в высшей точке. И как же взрослые могут ждать столько, сколько требуется? Словно они железные, как роботы. Или вроде андриков.

Нет, андрики не из металла и даже не из пластика. Интересно, из чего же они тогда? В своем сне Соня летала, как летают андрики. Люди так еще не умеют. Андрики говорят, что «не умеют» – неверно, надо говорить «не хотят». Ага, не хотят, как же. Но как ни стараются, без подручных средств не летается.

Соня еще не видела настоящего андрика. Тем, кто не бывал на Луне, они только снятся или, как сами говорят, «являются во сне». Это случается редко, и Соне, что очень обидно, никто не являлся.

А Мишке являлся. Как и положено, андрик походил на человека, он сказал: «Когда сестра улетит, береги родителей, они очень расстроятся». Еще бы не расстроились: дочка отправится туда, откуда не все возвращаются. Кто не расстроится – тот бесчувственное полено, а мама с папой не такие.

Хватит валяться. Соня начала подниматься, но по пути передумала и снова откинулась на подушку. Сегодня можно полежать подольше. Без дела, без смысла, просто так. У Сони день рождения. Двенадцать лет. Она стала совсем большая, и колючки опасений про «не все возвращаются» – уже не детские страхи, а тревога перед училищем. Говорят...

Не стоит повторять глупые слухи. Все будет хорошо. У большинства всегда все хорошо.

«У большинства», ага. А меньшинство? Была бы Соня нулем, и не лезли бы в голову такие мысли. Но обследование выдало твердую единичку. Хорошо Мишке, он ничем не выделяется, ему все дороги открыты. А Соне, как в свое время маме и папе, всего два пути: в науку или во власть. Соня может выбрать любую профессию, она даже может не выбрать никакой, и никто слова не скажет.

Сказать не скажут, но та-а-ак посмотрят... Единичка – это ответственность. Кто может многое, с того и спрос больше.

А кто валяется без толку, от того толку не будет. Соня собралась с духом, досчитала до трех и села в кровати. Опушенные на ковер ноги утонули во мхе, по плечам рассыпались темные волосы.

– Зеркало! – попросила Соня.

Дом уже знал, что зеркало в ее понятии – это голограмма, а не отражающая поверхность, которыми пользовались в старину. У человека, если он сидит напротив, левая сторона всегда находится справа, по-другому – неправильно, нелогично и просто гадко. В какую сторону зачесывать волосы? Только го-грамма покажет верно.

В воздухе повисла хрупкая, заспанная, растрепанная фигурка, не касавшаяся пола. Настоящая соня. Соня-засоня. Лицо опухшее, глаза слипаются, плечи сгорбились...

Соня развела рукой некрасивое изображение и объявила, чтобы дома знали:

– Я проснулась!

Все домашние, где бы ни находились, услышат, если не заняты и не спят.

Первым откликнулся папа:

– Доброе утро, моя принцесса.

– Доброе утро, Сонечка, – проплыл приглушенный голос мамы. Наверное, она общалась с кем-то в потоке, иначе интонация была бы нежнее.

– А я еще сплю! – звонко сообщил Мишка.

– Кого же мы слышим? – поинтересовался папа.

– С вами говорит го-грамма Михаила Максимовича Зайцева. Перед сном мой оригинал просил узнать, о чем думали родители, когда его так называли. Вслушайтесь: Миша Зайцев. После имени с фамилией сам собой просится глагол. Не любит? Съел? Обожает?

Для своего возраста Миша был очень развит. Девять лет – а уже такие формулировки. Жалко, что он ноль. Единственный в семье. Зато нули почти все возвращаются из училища. Говорят, что у единицы шансов попасть к темным намного больше. Обычно, когда Соня спрашивала об этом, мама хмуро кивала и переводила разговор на другую тему.

– Слово, которое прозвучало в конце, – донесся папин голос, и чувствовалось, что папа улыбается, – маме подошло бы. Раиса Зайцева... обожает. А, Рая?

– Угу, – на секунду включилась и опять выпала из общения занятая мама.

– А теперь вернемся к оригиналу весьма разговорчивой го-граммы, – продолжил папа. – Михаил Максимович Зайцев. В переводе означает: Богоподобный Величайший Зайцев. По моему, звучит неплохо.

– Даже слишком неплохо для мелкого недотепы, – влезла Соня. – А Величайшая Мудрость звучит еще лучше.

Это напоминание о себе. А что? Есть чем гордиться.

Мишка промолчал. Наверное, проверяет информацию, прежде чем хвастаться перед друзьями.

Соня надела очки. Точно, Мишка в потоке, но не в информационном разделе, а в игровом. Летает на симуляторе. Надо бы тоже полетать, сравнить с ночными ощущениями. Как же странно: еще вчера полет на птерике был мечтой, хотелось усесться между крыльев, вцепиться в холку и обмирать от счастливого ужаса, когда грациозный ящер срывался в пике или заходил в штопор. Но когда летаешь сама, одним своим желанием... Результат не в пользу крылатого помощника.

Соня сняла очки.

Через потолок в комнату падали солнечные лучи, над слепящей белизной кружили стаи снежинок. Налетев на невидимые стены, снег не прилипал, не таял, а уносился прочь, будто скользил по маслу. Дом был экспериментальным. Соню распирала гордость: папа сам его вырастил, он биолог и проверку изобретения, естественно, взял на себя. Когда Соня с Мишкой узнали о переезде – прыгали от восторга. Мама не прыгала. Она почесала переносицу, долго о чем-то раздумывала и, в конце концов, признала, что в отдельном доме, возможно, семье будет лучше, чем с grandами. Мама работала в правительстве, она ничего не решала сразу. Даже папа не знал, со скольких сторон она рассматривала каждую вещь, чтобы составить о ней мнение. Соня как-то спросила, зачем так долго думать о, казалось бы, очевидном. Мама в подробностях объяснила. Оказалось, что да, Соне именно казалось. Заумные объяснения Соня даже слушать устала. Но выводы сделала. У каждой вещи много граней, и если на цилиндр смотреть только сбоку или только сверху, люди могут до хрипоты спорить, круг перед ними или прямоугольник. С тех пор Соня стала осторожней в высказываниях. Не хотелось попасть впросак, как с упомянутым «очевидным» цилиндром.

Не давал покоя вопрос: когда все переселятся в такие дома... Даже не «когда», а «если». Получится ли? Болезни побеждены, смерть от старения отодвинулась почти вдвое. У Сони живы большинство grandов – все прабабушки-прадедушки и четверо прапра, а остальные, к сожалению, не дожили до удлинения жизни. Население растет, и когда каждый получит кусочек природы в личное пользование...

Однажды Соня спросила маму:

– Что будет, когда земли не хватит?

– Андрики уверяют, что если место для жизни кончится, Землю разделят еще раз. Таких домов, как у нас, станет больше, они вырастут даже там, где раньше жилье невозможно было

представить. Кто-то захочет жить на скалах, чтобы любоваться невероятными видами, кто-то – на островах, где не было воды и пищи. Пространства хватит всем.

Дом рос медленно, за это время папа все объяснил и научил правильно пользоваться. Друзья и соседи глядели, расспрашивали о подробностях и ждали возможности обзавестись такими же домами, но ближайшее заселение будет не скоро: другие домики только корни пустили, им расти еще несколько лет.

Особенность жилья Сони и ее семьи была в том, что дом был живым. Комнаты-пузыри расплзлись по склону над речкой, корни уходили в землю, общий вид чудесно сочетался с природой. Словно не дом, а еще одно растение. Роль древних стекол выполняли пленки вроде как от мыльного пузыря, их не брала непогода, они самоочищались, а быть прозрачными или нет и с какой стороны – это выбирал хозяин комнаты. За внутренней стенкой семья так же любовалась природой, и никто никого не увидит, пока сам не захочешь. А двери не требовались, дом делал их где угодно – только прикажи, и живая пленка откроется в нужном месте. Комната у Сони была крайней, нижняя часть плавала в реке, а корни уходили глубоко в ил. Полгода внутрь заглядывали любопытные рыбы, и в любой миг можно было общаться с Капитаном. Имя дельфину придумала Соня, когда он появился в первый раз. Они подружились, вместе купались, и на его спине Соня не раз путешествовала к морю, где над головами, буквально в нескольких метрах, летали громадины грузовых надводников. Стальные корпуса экранопланов напоминали Капитана, если бы он обрел крылья.

Сейчас, в ноябре, дельфинам было холодно, они уплыли на юг. Многих животных модифицировали, но дельфины, к счастью, остались обычными дельфинами. Соня думала так: искусственное, пусть даже наполовину – значит, не совсем правильное. К примеру, птерики – замечательные друзья и помощники, но с ними не ощутишь того, что дадут непредсказуемый Капитан, случайная птичка или прилипающая к стенке рыбешка.

С октября по май реку сковывал лед, и Соня оставляла прозрачной только верхнюю часть стены. Сейчас там сверкало и мело снегом, лес на другом берегу был словно бы заштрихован искрящимся маревом из блесков.

Прежде чем выходить к завтраку, надо согнать сон.

– Дора, – полетело в пространство приказным тоном, – полынью!

Дора – домработница, домашний робот. Было время, когда домработников делали похожими на людей, но то время прошло. Человек – это человек, а робот – робот, смешивать их не следует даже внешне. Хватит андриков, которые выглядели как люди, но ими не были. Нынешние дроиды тоже походили на человека – две ноги, многофункциональное тело-трансформер, голова с достаточными для необходимых действий мозгами... Рук, правда, четыре, но сделано это исключительно для удобства и скорости работы.

Папа называл Дору другим именем, длинным и смешным: «Шива-Ситрипио», а от Сони и Мишки требовал быстро повторять за ним «Шел Шива по шоссе сокрушая сущее» и потом смеялся. Заканчивался разговор обычно пожеланием «Да пребудет с тобой сила». Соня посмотрела значения. Неизвестными словами и выражениями оказались имена героев и цитаты из древних легенд. Шива был могущественным и многоруким, а Си-Три-Пи-О – золотистым и туповатым, если судить с человеческой точки зрения. Домработнице подходили оба описания.

Выше по склону, у похожего на вытянутую кляксу пузыря оранжереи, в снежную целину вдвинулась золотистая фигура с четырьмя руками. Проплавив узкий проход для себя, Дора остановилась около комнаты Сони:

– Полынью – на выходе из комнаты или дальше?

Голос домработницы звенел металлическими нотками – специально, чтобы робот воспринимался как робот.

– В десяти метрах. Хочу пробежаться.

Во все стороны полетели белые брызги – две механические руки раскидывали снег, пока две другие разрезали и выставляли столбиками прозрачные кубики льда. Закончив работу, Дора удалилась – новых распоряжений не поступало, а когда поступят, домработница услышит их всюду.

Соня встала у тонкой пленки, отделявшей комнату от жути внешнего мира.

– Дверь!

Преграда замерцала и расползлась в стороны.

Царившее снаружи безумие хлынуло внутрь. Колючий туман жалил хлопьями холода, он царапал, будто звериными лапами, а защищавшийся дом бил по ним теплом, и они корчились в агонии, плавились и стекали на пол, окутывая колени. Соня выскочила наружу. Ноги провалились в хрустевший наст, но она побежала в обжигавшей и забивавшей глаза пурге. Вообще-то, не пурга, а легкий ветерок, но расскажите это кому-нибудь другому. Каждый шаг давался с трудом, кожа пошла паром и взмолилась о пощаде. С разбегу Соня прыгнула в квадрат спасительной синевы.

Ага, спасительной, как же. На ветру тело обварило ледяным жаром, а здесь погрузило в жидкий огонь целиком. Ошалевшие снулые рыбы шарахнулись на глубину, подальше от неведомой опасности. Им бы мозгов побольше, хотя бы половину тех, что у Капитана, и Соня играла бы с речными обитателями круглый год. Но интеллектом речные рыбы не блистали, а добавлять им искусственный учены не спешили, других забот хватало. Папа, например, рыбами не занимался, что было здорово: если выбирать – умные рыбы или умный дом – то ответ очевиден, и папа – большой молодец.

Вода напоминала колючий гель, как в холодильнике. Руки то и дело загребали ледяное крошево, каждое движение приходилось вымучивать. Защита тела сопротивлялась, но Соня разрешила морозу проникнуть внутрь. Иначе – какой смысл? Купание подо льдом, когда тебя греют искусственные помощники – глупость.

Хорошо бы забыть обо всем и проникнуться ощущениями, погрузиться в них, как в воду.

Сверху – лед. Если полынью затянет, наружу не выбраться. Интересно, найдут ли андрики Соню подо льдом?

Нет, отрешиться не получится. Голову сжимало, как тисками, конечности ломило и выкручивало, тело и душа просились обратно в тепло.

Когда Соня выбралась из воды и сквозь сыпучую колючесть мчалась обратно, изо рта, заполненного морозом, вырвался вопль. Сначала звуковой выплеск выражал только эмоции, но быстро преобразился в нечто столь же нечленораздельное, но для дома понятное:

– Д-д-д-две-е-ерь!!!

Соня ворвалась в комнату вся синяя, в пупырышках, и донельзя счастливая. Только вернувшись домой понимаешь, что дом – это и есть счастье, единственное и постоянное. Все остальное – прыжки в ширину.

Первым делом Соня влетела в гигиеник. Со всех сторон полилась вода, тело окутало горячим паром, покрытые мхом ветки исполнили роль древних веников и мочалок. Щупальца цирюли растерли Соню, огладили, высушили, затем заплели косички. В организм вернулась до того прятая в пятках жизнь, и она оказалась хороша как никогда.

Гигиеник – привычное в быту сокращение, вроде го-граммы. Полное название – гигиеник, который, в свою очередь, произошел от «помещения для гигиены». Не все соседи могли похвастаться даже встроенными гигиениками, что же говорить о единственном и неповторимом живом? У большинства по-прежнему стояли «санузлы», название которых для нормального человека требовало расшифровки. Во многих языках «сан» означало «святой». И, кстати, при чем тут узел? Ответ есть в потоке, но ради санузла лезть туда не хотелось. До переезда семья Зайцевых жила у маминых грандов, и Соня знала, что обычный санузел состоял из ванной (главной ее частью была ванна), душевой (соответственно, с душем) и туалета с (никогда не

поверите, потому что нет никакой логической и лексической связи) унитазом. Для Сони, по примеру папы любившей играть словами и, в том числе, читать их наоборот, главный предмет санузла выглядел страшновато – грозил затянуть, чего, учитывая предназначение агрегата, ну никак не хотелось.

Гиеник от совмещенного санузла отличал цирюля – автоматический банщик-лекарь-парикмахер. В домах со встроенным гиеником цирюля был как запертый в клетке зверь, а в живом доме мог где угодно вытащить рабочие щупальца, подать воду и впитать лишнее. В целом гиеник тоже не нуждался в отдельном помещении – без разрешения никто в чужую комнату не войдет. Но привычки прошлого остались, и семья предпочитала гигиениться в закрытых кабинках.

Из гиеника Соня прошла через шкаф-рамку, раздалось шипение окутавшего спрея.

– Зеркало! – потребовала Соня.

Она любила облегающие наряды. Взрослые заморачивались с трехмерными конструкциями, чтобы где-то торчало, где-то свисало, где-то лежало складками или трепыхалось на ветру. Это бывало красиво, но до чего же неудобно! Молодежь поголовно носила обтягивающее. Выбранный Соней костюм – белый в красных и голубых одуванчиках – у взрослых вызвал бы приступ милоты и, как над маленькой, восхищенного кудахтанья. Ну и что? Соне нравилось. Да, чересчур ярко, броско и не совсем по-взрослому, но разве это повод не носить такую прелесть? Красота – понятие относительное. Будь в мире какие-нибудь эталоны, люди перестали бы влюбляться друг в друга, до неприличия разных внешне и внутренне. Вот и получается, что каждый должен носить то, что нравится именно ему, тогда обязательно найдется тот, кто это оценит. А еще Соне хотелось поразить будущих одноклассников. Точнее, членов команды. Группы обучавшихся в училище назывались командами.

До момента, когда Луна окажется в верхней точке, еще несколько часов.

– Звездное небо, – распорядилась Соня.

Потолок сменил вид на дополненную реальность. Звезды Соню не интересовали, хотелось посмотреть на невидимую сквозь белесую мглу восходящую Луну, и она предстала во всей красе – желтая и почти круглая, едва начавшая убывать: полнолуние было позавчера.

– Сколько у меня времени?

Вопрос в последнее время звучал часто, и дом обошелся без уточнений.

– Осталось два часа тридцать две минуты.

Еще долго.

– Кто где находится?

В воздухе возник полупрозрачный план дома. Мама работала в кабинете, папа «колдовал» на кухне – он не любил стандартную еду, поэтому блюда из принтера всегда старался переделать во что-то необычное и еще более красивое, чем было. Или хотя бы разнообразить свежими фруктами либо водорослями. Или неожиданным десертом из холодильника. В список пополнения папа часто вносил корректировки, и никто не знал, чем замаскировавшийся под цветущую стену аппарат побалуется после новой загрузки.

С новым холодильником произошло как с домом, только наоборот: до Сониной семьи эта технология добралась в последнюю очередь, главным у Зайцевых считалось другое. Вживленный в стену холодильник поразил Соню не меньше, чем все прочее в новом жилище. Пользоваться было просто: еду, которая быстро портится, вставлять в гель, и она хранилась там почти вечно. И как же не опробовать это устройство на себе, когда тебе девять или даже одиннадцать? Играя в прятки, Соня с Мишкой не раз выбирали холодильник укрытием. Тот недобольно бурчал и выпихивал наглеца обратно, а механический голос сообщал, что данный продукт хранению не подлежит ввиду возможности утраты некоторых необходимых свойств.

Мишкина метка в его спальне по-прежнему выглядела расплывчато, как и мамина, – он все еще сидел в потоке. Игры с погружением в другую реальность – это, конечно, здорово. Ими-

тация мест, куда обстоятельства не позволяли добраться обычным способом, одновременно с обучением прививала профессиональные навыки. Так говорили взрослые. А для Сони поток был местом, где можно найти новое, необычное, неизведанное. Особенно она любила читать.

Говоря в общем, Соня любила учиться. Речь идет не о лунном училище, это другое, вне обычной схемы. А школу Соня уже закончила. У тех, кто перешел на высшее образование, учеба проходила дистанционно, летать никуда не надо, а роль преподавателя и экзаменатора выполнял виртуальный помощник. Поступить в университет до училища мог любой, но у большинства даже школьное обучение затягивалось на годы.

Мишка, негодник, наверняка, сейчас не учится, а играет. Скорее всего, как проснулся, так и летает на птерике. В последнее время он почти не вылезал из седла. Глядя на расплывчатую метку брата отчаянно захотелось присоединиться к нему в любой, пусть самой глупой игре. На Луне чипов и потока нет, там человек – просто человек, такой, каким создала природа. А игры там, соответственно, не виртуальные, а самые что ни на есть жизненные. Родители рассказывали про училище, и жизнь в нем напоминала игру на выживание. Андрики не любят технику. Они говорят, что люди идут неверной дорогой. Но в земные дела андрики не вмешиваются, а если бы люди пошли не туда, куда надо, то в будущем не создали бы машину времени, которая закинула Луну в прошлое. И никаких андриков не было бы. Выходит, они лукавят? А взрослые говорили, что андрики хитрить не умеют. Это называется «парадокс». Ну, ничего, скоро Соня сама все узнает.

Она не представляла, как сможет жить без чипа и очков. Электроника проникла всюду, чипы делали вещи и людей чуть ли не всемогущими. Чипами с недавних пор называлась вся компьютерная техника – все, что связывало с мировым потоком информации. Человеческий чип помещался в горошинке величиной меньше макового зернышка, он вживлялся после рождения, и ребенок сразу учился жить с умными вещами в мире и гармонии.

Очки виртуальной реальности управлялись движением глаз и бровей, некоторые команды можно было подать жестом, голосом и даже мысленно. Кое-кто не снимал их даже во сне. А в поток можно войти в любом месте Земли и ближнего космоса. Ну, понятное дело, кроме Луны. Для большинства игр достаточно го-грамм, но в очках и, особенно, с поддержкой гравикресла, ощущения и эмоции были несравнимы.

Очки заняли место на переносице, Соня откинулась спиной на подхватившую и стянувшую, как ремнями, выдвинувшуюся из стены мягкость гравикресла и вызвала симулятор птерика.

– К брату, напарницей, – скомандовала она.

После легкого головокружения границы мира раздвинулись. Вокруг царило лето. Бедро ощутили подскочившее при взлете седло, на голове был шлем, тело обнимал спасательный экзоскелет с реактивным ранцем и парашютом. Даже в играх не стоило пренебрегать безопасностью, иначе можно лишиться допуска.

Птерик резво набрал высоту. Длинная голова с зубами-иглами и кожистым гребнем глядела вперед, крылья плавно изгибались – по короткой дуге, без резких взмахов, не как у птиц. Лететь было комфортно. Внизу до горизонта простирался тропический лес. Кое-где торчали причальные вышки дирижаблей – в играх использовались только реальные ландшафты, чтобы игроки попутно изучали географию. Но в реальности тебя не сожгут из укрытия и не заставят падать в неизвестность с горящего ящера.

Мишка летел впереди, от избытка чувств он размахивал лазерной винтовкой и вопил во все горло что-то победное.

– Помочь?

Мишка оглянулся:

– Ты вовремя. Я вычислил базу неприятеля. Сейчас мы их накроем!

В игре он выбрал нижний уровень, самый легкий, в просторечии – «войнушку». Стратегии и пицци для ума здесь нет никакой, но глазомер, моторику и умение летать развивает неплохо. Наверняка, Мишка сражается сейчас с малолетками. Конечно, приятно всех-всех победить, нужный навык давно отработан, но смысл симулятора не в победе, а в прохождении уровней, которых впереди очень много. Складывалось ощущение, что брат о них не догадывается, если застрял на первом. Но нет, он просто делает что нравится, не задумываясь о причинах. А причины называются «лень» и «нежелание взрослеть». Уровень выше – ответственность больше. А кто ее любит?

– Вон они! – Мишка пустил птерика в крутое пике.

Соня пошла за ним снижающейся спиралью, чтобы прикрыть, если из леса или с вышек откроют огонь. Птерик имел силовой щит и был покрыт наноброней, но долгого обстрела не выдержит ни он, ни защита экзоскелета.

– Ой, не могу! Гляди! – Мишка расхохотался.

Соня спланировала вслед за ним к подножию ветвистого дерева, где паслись три птерика в синей раскраске противника. Неуклюже переваливавшиеся на четырех конечностях, они злобно повели головами и ощерили пасти – охраняли хозяев.

Откинувшись в седлах, хозяева беззаботно дрыхли. Мальчишка и две девчонки, каждому не больше семи лет. Наверное, играли всю ночь и не выдержали – сон сморил прямо во время полета. Послушные программе птерики вернули хозяев на базу.

Соня улыбнулась:

– Давай раскрасим их, пока спят.

– Зачем? – не понял Мишка.

– Это же весело! Просыпаются они такие, глядят друг на друга...

– Представь себя на их месте. Им станет обидно, что они так выглядят, и тебе будет стыдно.

– Прости, не подумала.

Главное правило общежития: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Опять цилиндр. Соня видела круг, а с другой стороны та же вещь оказалась некрасивым прямоугольником. Мишка молодец, подсказал. В следующий раз надо думать, прежде чем рот открывать, иначе из училища можно угодить к тем, кому такие шуточки нравятся.

«Уничтожив» незащищенную базу противника гранатой, Соня с Мишкой отключили симуляторы. Великим воинам пришла пора подкрепиться.

Соня поднялась, трансформировала очки в браслет, но передумала и оставила на кровати, чтобы сразу бросались в глаза. Теперь они понадобятся нескоро.

В горле возник странный комок.

Соня шмыгнула носом, протерла повлажневшие уголки глаз и отправилась завтракать – в последний раз на Земле на ближайшие... никто не знает сколько дней или месяцев.

Глава 2. Подарок. Поручение. Добро с кулаками

Папа, как обычно, пикировался с мамой, закончившей дела и удобно устроившейся на мягком, похожем на креслообразный пенё, живом диване.

– Характер у меня тяжелый, да, – говорил папа, – а каким ему быть, если он золотой?

Папа был в синих штанах и клетчатой рубашке навыпуск, длинную шевелюру стягивала резинка, в бороде пряталась неизменная улыбка.

– Приятно познакомиться, мистер Совершенство. – Вечно строгие мамины глаза смеялись. – Пусть поздно, но ты выдал нам свою тайну.

Мама по молодежной моде носила обтягивающее, рядом с папой она смотрелась, скорее, внучкой, чем супругой. Ее коса цвета красного золота спускалась до поясницы, ступни были босыми – в доме мама не пользовалась даже спреями-обувью. Расцветкой костюм напоминал шахматную доску, красота женственности в нем уравнивалась строгими черно-белыми мотивами, а сложенные в брошь очки вырвиглазным алым пятном притягивали взгляды к груди и вставляли нотку дерзости в изысканную мелодию. Мама всегда умела себя подать. Но на работу она, как все чиновницы, ходила в белой блузке и черной юбке, иное при ее должности могло быть истолковано как пренебрежение к оказанному доверию.

– Совершенство? – возмутился папа. – Ни в коем случае. Личность из человека делают недостатки, и не будь у меня некоторых недостатков... я бы даже сказал недостаточечек...

Мама фыркнула:

– Недостатки делают из людей не личности, а мерзавцев.

Папа обернулся к вошедшему первым Мишке, следом за которым в оранжевую заходила Соня:

– Не обращайте внимания. Мама, как рентген, видит все насквозь даже там, где не требуется. Она не ругается, просто у нее такой склад ума. Надо бы сообщить владельцу, что склад, видимо, ограбили.

Папа опять шутил. Или не шутил. Но вечно серьезная мама рассмеялась.

Примерно треть оранжевой занимала кухня: живая мебель с дубовым столом, зев принтера, колбасник с шестью видами мяса, выращиваемого из клеток животных, стены с цветами, овощами и зеленью, а сверху, под невидимым куполом, – разноцветье разлапистых крон, предлагавших все, что душа ни попросит. Деревья здесь были с ферментами светлячков и мерцающих медуз – такими же, как стены и мебель в других комнатах. Они и освещали, и украшали помещение. Биолюминисцентная растительность давно стала нормой, и посторонних в доме удивляли именно стены и мебель. А Соня уже не могла представить иного. Искусственный свет тем и отличался, что шел со всех сторон, а не только с неба или от костра, как в старину.

Позавтракать Соня могла и в спальне, комнатный принтер выдаст любое блюдо, а за десертом позже можно сходить в оранжевую или взять в холодильнике. Но папа ведь что-то готовил. Это решило все.

Обедать и ужинать в семье было принято вместе, все собирались за столом, овощи и зелень рвали с настенных грядок, фрукты и ягоды – с веток, наклонявшихся, когда к ним потянутся. Едва Соня переступила порог, папа поднял руки, призывая к вниманию. Мама встала. Мишка обернулся к Соне.

– С днем рождения! – К поздравлению трех человеческих голосов присоединились Дора и дом, последний – всеми комнатами и переходами, слаженно и объемно, с небольшим эхом.

В центре стола всплыл торт, спрятанный до нужного момента. Вот, значит, что готовил папа. Политые выжатым соком взбитые сладости таяли, их нужно есть сразу, иначе будет поздно: через считанные минуты они превратятся в смесь, которая ни капли не напоминает

изначальное яство. Зато воспоминания остаются надолго. После положенных случаю поздравительных обнимашек все бросились поедать растворявшийся на воздухе торт.

Папе очень нравилось выражение из древнего жизнеописания святых: «Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья». Он часто цитировал фразу или ее кусочки. Иногда не к месту, как, например, сейчас.

– Ну, мать их Софья, как настроение? – прозвучало весело, с иронией и задором. По-другому у папы не бывало.

– Максим! – Брови у мамы сошлись к переносице. – Не могу понять, как тебя с такими выражениями в наш мир вернули.

– Специально, чтобы тебе жизнь отравлять, – с любовью в голосе откликнулся папа.

Он всегда шутил, и всегда оставалось непонятным, чего в его шутках больше – веселья или грусти. В любом случае в его словах слышалась великая и неподдельная любовь.

Соня спросила:

– Чтобы оправдать имя, мне придется родить трех дочек и назвать их Вера, Надежда, Любовь? Или – Пистис, Элпис и Агапе, ведь «Софью» не перевели, значит и остальные не надо переводить, да?

– Не придется, – с улыбкой уверил папа. – Сделаешь, как сама захочешь. Мы в тебя верим. И надеемся на тебя, И, конечно же, любим тебя.

Не сразу дошло, что папа играл словами. «Верим», «надеемся», любим» – опять та же тройка. Вот и пойми, серьезно он говорит или подкалывает. Иногда это раздражало, но только иногда, в остальное время нравилось. Папы у всех знакомых были как Сониная мама – серьезными, строгими и немного занудными, когда дело касалось объяснений, что делать можно, а чего нельзя и почему.

– А теперь... – Папа умолк и выждал театральную паузу. – Подарок!

Он махнул рукой, и над столом возникла го-грамма знаменитого питомника на Памире, где выращивали измененных животных. Вид быстро приближался, промелькнули здания и вольеры, и, наконец, изображение выхватило и увеличило единственное существо из находившегося там множества ему подобных.

Птерик!

– Мне?! Спасибо!

Соня не могла наглядеться. Кожистые крылья – размером с комнату! Зубы – как у крокодила! Шея! Когти!

Встроенное седло с управлением!!!

– Папа! Мама! Нет слов! Когда его можно забрать?!

– По возвращении из училища. – Взгляд у мамы почему-то стал бегающим, будто она чего-то боялась.

А чего бояться? Соня летает не хуже других. Возможно, даже лучше.

– Пока тебя не будет, мы переделаем одну из гостевых комнат под насест, – сказал папа.

– А мне дашь покататься? – дальновидно стал подмазываться Мишка.

– Всему свое время. Я еще сама не каталась.

– Птериков содержат не для катания, а как экологичный личный транспорт на приемлемые расстояния, – напомнила мама.

– И для катания! – добавил Мишка.

Когда клонировали крупный вид птерозавра, выяснилось, что он не только груз не перенесет, но даже нормально взлететь не может. На планету постоянно падают миллионы тонн космической пыли и разноразмерных метеоритов, диаметр Земли увеличивается где-то на сантиметр в год. В мезозое планета была почти в два раза меньше. Соответственно, меньше была гравитация, поэтому птерозавры, из которых больше всего известны птеродактили, летали. С тех пор даже состав воздуха изменился: во времена динозавров в нем было тридцать три про-

цента кислорода, сейчас двадцать один. Пришлось ученым дорабатывать бедную зверушку. Телесная модификация и вживление технических усовершенствований создали чудесный биотранспорт, и сегодня многие обладали собственным «драконом». Слова «дракон» и «птерозавр» в языке уже обозначали что-то конкретное, поэтому измененное существо назвали птериком. Назвал, скорее всего, кто-то из детей ученого, создавшего птерика, потому что взрослые назвали бы по-другому – обязательно вычурно и трудновыговариваемо, вроде того же птеродактиля.

На птериков была огромная очередь, и Соня даже не мечтала о собственном ящере. Но что-то случилось. Или вылупилась большая партия, или папа с мамой в очередной раз сделали нечто, отчего их так премировали. Папу, к примеру, могли наградить за живые дома, маму... еще за что-нибудь. Ее работа в правительственных структурах – что-то скучное, связанное с управлением и чрезвычайно ответственное. Когда Соня будет определяться с профессией, она, конечно же, выберет как у папы. Но в другой сфере. Семье хватит одного биолога. Сейчас, когда по Солнечной системе снуют автоматические зонды, а с Марса готовятся сразу несколько пилотируемых экспедиций на астероиды и к спутникам Юпитера, потребуются астробиологи. Почему нет?

Мысли вернулись с небес на землю.

– Я назову его Капитон, – сказала Соня.

По аналогии с Капитаном. Ласково будет «Капитоша». Тоже длинно, зато как нежно и мягко – так же, как он будет возить по воздуху.

Когда у нее будет личный птерик, она, возможно, и не захочет улетать с Земли.

Семейство во главе со взбудораженной Соней расселось вокруг стола, над головами перебивались деревья, над ними завывала метель. Папа вынул из принтера ароматные чашечки кофе и сбросил в открытый зев расплывшиеся сладкие остатки – торт оказался настолько большим, что одолеть не хватило сил всей семьи.

Соня попросила родителей:

– Расскажите про училище еще раз.

С приближением двенадцатого дня рождения она все чаще надоедала им с этой просьбой. Они рассказывали. В свое время папа с мамой тоже были двенадцатилетними и знали, как важно узнать и запомнить больше. Возможно, Соня не вернется. Не все возвращаются. Говорят, все зависит от нее самой. Если б и вправду зависело, она бы туда вообще не полетела.

– Училище открыли три поколения назад, – начала мама с общей информации. – Впрочем, училищем андрики называют весь мир.

– Оба или только наш? – уточнила Соня.

– Оба. Мы не видим другой мир, потому что он не в нашей Вселенной, хотя Луна у нас общая. Наука объяснить это пока не может, но мы прилагаем все силы.

– А что говорят андрики?

– Обязательно спроси их, когда встретишься. Другим они на похожий вопрос ответили, что на следующем уровне люди умеют намного больше. Как мы понимаем, андриков и училище создали наши потомки, они отправили Луну в прошлое, а включили ее мы сами, когда враждующие страны вывели в космос оружие, которое угрожало всей планете. Это стало сигналом, чтобы андрики проснулись и выполнили заложенную в них программу. Планета разделилась на параллельное существование. Ничего не изменилось, но третьих от Солнца планет в одной точке пространства стало две – абсолютно одинаковых, где одни и те же люди совершали одни и те же поступки. Каждая Земля оказалась в собственной Вселенной, никак не связанной со второй. Люди не подозревали, что с некоторых пор у каждого в другом мире живет абсолютно идентичный близнец.

– Клон? – спросил Мишка.

– Клон вторичен, а во время разделения получились точные копии, – объяснила Соня. – Как в зеркале. Или в го-грамме.

– Именно, – подтвердила мама. – Как амеба делится на два одинаковых равноценных существа, так же произошло с Землей. Начиналось все медленно и незаметно: улетевшие на Луну первые двенадцатилетние дети считались пропавшими без вести. Некоторое время никто не догадывался о том, что случилось на самом деле, а потом часть детей вернулась и рассказала, что произошло. И что будет происходить. Человечество было в шоке. Многие не поверили, в исчезновении детей они винили таинственные силы, искали внутренних врагов, вроде всемирного заговора некой организации, или внешних, вплоть до инопланетян и чертей. Из училища, к сожалению, возвращались не все. Вернее, не все попадали в мир, из которого их забрали. Некоторые дети из нашего мира отправлялись на другую Землю, а кое-кто оттуда, наоборот, попадал к нам. У нас всех интересовало, как происходит отбор, и вскоре ответ появился: вернувшиеся рассказали, как вели себя в училище те из наших, кого отправили не к нам. Надо заметить, что роль играло не только поведение. Мысли, намерения, отношение к людям и к природе – в расчет бралось все, но точный алгоритм людям неизвестен до сих пор.

Слова «алгоритм» Соня не знала, но общий смысл уловила прекрасно.

– А что говорят андрики? – спросила она.

– Отвечают они замысловато, суть понять невозможно, – сказала мама. – В старину любили фразу «Пути Господни неисповедимы», ей легко закрывался любой спор. У андриков объяснения такие же. По их мнению, к пониманию люди еще не готовы. Как бы ни шумели земляне и что они ни делали, а с Луны одна часть детей возвращалась к нам, другая же часть попадала на вторую Землю. Выяснилось, что отныне история двух миров пошла разными путями. О копировании планеты стало известно, когда новые двенадцатилетки из обоих миров встретились на Луне и рассказали друг другу про изменения, которые произошли дома. К тому времени Земля изнемогала от множества проблем. Политика, экология, религиозная, расовая и национальная нетерпимость... Сначала в мире поднялось много шума, раздавались призывы взорвать Луну... Самых горячих остудили, и люди взялись за восстановление планеты. Не представляешь, как трудно было договориться о простейших вещах, вроде взаимного ненападения или уважения чужого мнения. Обойти «ловушку Фукидида» смогли не сразу.

– Кого? – перебила Соня. – То есть, чего?

Раньше родители рассказывали историю без подробностей, а в потоке Соню политика не интересовала.

– Так называется повод к большинству войн: какие-нибудь государство или нация считали чужое усиление угрозой собственному спокойствию, в результате начинались войны на взаимные истощение и истребление. Сильные, как правило, били слабых, чтобы те не стали сильными. Или сильные сцеплялись между собой, чтобы остаться единственной силой. Страдали все. Прежнее мышление вытравливалось с большим трудом. Помогло увеличение вернувшихся из училища детей с новым складом ума. С каждым днем их становилось все больше. Чтобы люди не воевали, пришлось законодательно запретить войны и национальные армии, а любого солдата и наемника на чужой территории уничтожать всем миром. Зачинщиков сажали за решетку – пожизненно. Увещевания вместе с жесткими мерами принесли плоды, войны прекратились. Действенным средством против нетерпимости стала экономика. Ненависть – спутник слабых духом и мозгами. Те, кто любил свою страну, предпочитали развиваться, торговать и жить с соседями в мире, а кто видел смысл жизни в ненависти к другим, те экономически надорвались и перешли под внешнее управление. Люди, которые не выносили тех, кто выглядел или мыслил иначе, утратили власть и постепенно ушли в прошлое. Для алкоголиков, наркоманов и националистов создали резервации, где они предавались пороку без помех окружающим, и уже через поколение таких не стало. Наука сделала скачок вперед. Генная инженерия и нанотехнологии победили болезни, старость сдвинулась во времени почти в два раза.

Человек активно покоряет ближний космос и заглядывается на дальний. Это я рассказала про нас, а положение темных постоянно ухудшалось.

– Они не понимали, что для выживания нужно объединиться?

– Под выживанием они понимали обеспеченное будущее для себя лично, пусть попутно уничтожались природа или другие люди.

– Они что – глупые? – вставил Мишка. – А-а, я понял! – У него загорелись глаза. – В училище разделяют людей на умных и дураков и каждого отправляют к своим!

Папа подавился смешком. Мама покачала головой:

– По-своему они очень умные, но направление мыслей у нас с ними противоположное. В древности говорили, что есть два типа людей: грешники, которые мнят себя праведниками, и праведники, которые мнят себя грешниками. Это про темных и про нас. У них сознание, мораль и наука освободились от нравственных допущений, которых необходимо придерживаться, чтобы, как максимум, уважать и, как минимум, не убивать друг друга. Темные не глупее нас. Просто они другие. Им плохо от собственных недостатков, но жить иначе они не умеют. Мы живем по принципу «Поступай с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой», а их лозунг – «Человек человеку волк». Прежние политические и философские убеждения утратили злободневность, они канули в прошлое, когда сменилось два поколения. Новые люди взглянули на мир по-новому. У темных прежние воззрения тоже исчезли, за два поколения тотальной пропаганды можно стереть любую память, насадить или истребить любую идею и полностью переписать историю. Сейчас мы с ними видим мир по-разному. В целом можно сказать так: в любом человеке есть что-то хорошее и что-то плохое, потому что люди несовершенны. Все хорошее в человеке – в сумме у всех людей – это Бог, счастье, добро, мораль... одним словом – Свет. Все плохое – Тьма. Чем больше в каждом из нас хорошего, тем лучше каждому, потому что мир светлее. У темных каждому хорошо, когда остальным хуже чем ему. Мы, чтобы стать счастливыми, увеличиваем свет, они – тьму. Люди во все века метались между светом и тьмой, но в будущем каким-то образом научились разделять светлых и темных и создали для нас и для них отдельные миры.

– Не понимаю, как можно разделить Вселенную. Это оттого, что в будущем создали машину времени, и перемещение в прошлое изменило настоящее? Я читала, что с изменением прошлого обязательно меняется будущее. Тогда параллельный мир будет иметь другое будущее, не то, откуда на него повлияли. Но ведь получается, что в одном из миров вмешательство из будущего – это часть прошлого, сбывшаяся реальность. Получается, андрики заслали к нам, чтобы помочь людям достичь вершин, при которых они сумеют покорить время... чтобы создать андриков и заслать их в прошлое – чтобы помочь людям достичь вершин, при которых они покорят время... Замкнутый круг. Я пыталась найти ответы в потоке. Ничего не вышло. Наука утверждает, что машина времени существовать не может.

– С точки зрения нынешних знаний – правильно, не может. Но есть гипотеза, что в будущем в электронике физика сольется с философией, и укрощение времени с умением разделять пространство на параллельные миры будет построено на принципах теории относительности и категорического императива. Но это всего лишь теория.

Мишка задал вопрос, который Соня уже задавала и знала ответ:

– Какая Земля изначальная – светлая или темная?

Мама развела руками:

– Андрики говорят, что обе идентичны и равноценны. А когда понадобится еще, появятся новые Земли – третья, четвертая, пятая...

– Расскажи про андриков, – попросила Соня. – Все, что знаешь.

– К сожалению, к тому, что говорила прежде, я ничего не добавлю. Знаний о них очень мало. Андрики – созданные в другом времени андроиды с собственным интеллектом и единственной личностью на всех – если это можно назвать личностью. Сами по себе они не могут

путешествовать из мира в мир, только за учениками, поэтому взрослые с ними не пересекались. И еще один факт: андриков нельзя обмануть, они видят людей насквозь.

Соня уловила в сказанном упрек и возмутилась:

– Я не собираюсь никого обманывать.

– Ты – нет, а те, с кем ты будешь общаться в училище, могут попробовать, поэтому лучше знать заранее, что это невозможно. Если андрик говорит что-то сделать, лучше это сделать – хотя бы потому, что он старается ради нас. Ведь в будущем знают прошлое, и мы все хотим, чтобы это грандиозное прошлое с великим будущим произошло именно с нашим светлым миром.

Мишка опять влез в разговор:

– А как долго Соня пробудет в училище?

Кажется, этот вопрос волновал его по каким-то личным мотивам.

– Обучение у каждого длится по-своему, – ответила мама. – Когда и кого экзаменовать, решают андрики. Кто-то возвращался через несколько дней, а кого-то приходилось ждать долгие месяцы. Лучше настроиться на долгий срок.

– Что вы мне посоветуете – как себя вести, что делать или, наоборот, чего не делать? – спросила Соня.

– Нужно быть собой, – без раздумий ответила мама. – Там будут разные люди. Таких ты еще не встречала. Будь готова, что тебе может стать некомфортно, стыдно, обидно. Темные живут по другим правилам, и тебе придется находить с ними общий язык. Но я верю, что ты справишься, и все будет хорошо.

К разговору подключился папа:

– В старину люди служили в армиях, время службы называлось школой жизни. Солдаты не только защищали родину, но и выросли, учились принимать судьбоносные решения и брать на себя ответственность. И даже отдавать жизнь за счастье ближних. Для нас с тобой и всех, кто вокруг, родина – это мы и наша планета с окружающей Вселенной. Для любого из темных родина там, где ему выгодно.

– Но их же много! – Соня не понимала, как может существовать общество, где каждый печется только о себе. Это все равно, что права человека поднять над правами общества, то есть, такого не может быть, потому что не может быть никогда. Такое даже представить невозможно.

– Их очень много, – подтвердил папа, – и каждый понимает родину по-своему.

– А как они себя называют? – спросил Мишка. – Темные – это же обидное прозвище. Никто не захочет быть темным.

– Или они называют себя светлыми, – предположила Соня, – а нас – темными?

Ответил папа:

– Нет, темными они называли и называют себя сами. С гордостью. У них такая философия: любой темный, по их мнению, сильнее светлого минимум в два раза, потому что светлый способен только на добрые поступки, а темный – на любые. Быть сильнее – значит, побеждать, и поэтому, как им кажется, тьма сильнее света. Им нравится быть темными.

У Мишки отвисла челюсть:

– Это правда – про силу?

– Сила – не то, что кажется ею со стороны, – сказал папа. – Например, слабая женщина может заставить сильного мужчину выполнить то, что ему не хочется. Можешь и сам привести примеры, вокруг тебя их тысячи, стоит лишь приглядеться. А еще нужно понять главное: есть те, кто побеждают, и те, кого нельзя победить. Первое – временно, второе – навсегда. Победить слабого – не сила. Не дать победить себя сильному – это сила.

– Ой. – Соня подняла глаза к небу. – Луна. Она стала ярче.

Мишка покрутил пальцем у виска:

– Сонька, у тебя крыша поехала? Сейчас светло и выюжно, небо затянуто, Луны не видно. Лицо мамы вдруг осунулось, плечи опустились.

– Значит, тебе пора.

– Скоро тебя заберут, – подтвердил папа. – Давайте выйдем наружу.

Чтобы не морозить растения, они вышли через переход. В лицо ударила метель.

Мама склонилась к Соне и зашептала на ухо:

– У меня к тебе просьба. Отнесись к тому, что сейчас услышишь, очень серьезно, это не прихоть, я выступаю от имени правительства. Можешь считать это обращением всего человечества. То, о чем я попрошу, взрослым не решить, у нас нет сообщения с темными. Но те из темных, кто после училища пересек границу миров и попал к нам, рассказали страшные вещи. Темные готовятся к войне с нами. Они ищут Дверь – портал, через который можно пройти напрямую, без помощи андриков. Страх и ужас ждут оба мира, если Дверь найдется и откроется без нашего ведома. Мы тоже ищем ее со своей стороны, чтобы принять меры, но пока ничего не получается. Тебе нужно узнать, насколько темные продвинулись в создании портала и что они замышляют еще. Общение между светлыми и темными на Луне ничем не ограничено, и ты сможешь интересоваться как бы ненароком. Узнай как можно больше, это очень важно.

– Но ты говорила, что в будущем знают прошлое. Получается, что наш мир может не дожить до того будущего, откуда прислали андриков?

– Мы можем не знать всей правды. Нам открыли только часть, и мы не понимаем до конца даже ее. – Мама опустила взгляд. – Может случиться что угодно. В том числе и гибель наших миров. Мы обязаны предпринять все, чтобы этого не произошло.

– Сделаю, что смогу, – сказала Соня.

Разговор привел к неожиданному финалу. От Сони зависит судьба миров!

В разговор встрял Мишка, шутившийся и прикрывавший ладонью рот, чтобы не задумало:

– А можно, пока ты не вернешься, я иногда буду спать в твоей комнате?

– Пожалуйста.

– А можно все это время твоими «персами» пользоваться?

– Не наглей.

– Своих прокачивай, – сказал ему папа, – и когда Соня вернется, сможете играть на равных. – Папа обернулся к Соне: – И еще кое-что на дорожку. Смирение, доброта, милосердие... Нет ничего лучше, и все же напомним древнюю мудрость: добро должно быть с кулаками. Не забывай об этом.

Соня моргнула. Потом еще раз. Потом почесала нос. Понимания это не прибавило.

– Никогда такого не слышала, – призналась она. – Добро – и с кулаками?!

Папа покосился на маму и объяснил:

– Надеюсь, ты слышала моральное правило: если тебя ударят по левой щеке, подставь правую?

– Это из этики, – перебила Соня, – я проходила в школе.

– Я бы добавил: а когда замахнутся, – продолжил папа, – чтобы ударить по правой, ныряй под замах и бей в пах.

Мама вздрогнула.

– Максим!

– Что «Максим»? Дочка в большую жизнь выходит, а там не только цветочки, но и пчелы-осы, и даже тычинки-пестики.

– Все же не понимаю, почему тебя вернули из училища именно к нам, – выговорила мама папе в очередной раз.

– Повторяю, – механическим, как у дроида, голосом проговорил папа: – Это для того, чтобы встретить тебя и всю жизнь допекать, в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас. А

если честно, – он повернулся к Соне и подмигнул, – было так. Собрались андрики на совещание, решают вопрос: кого бы еще на светлую Землю отправить. А я подсказываю: «Зайцев!» «Почему бы и нет? – говорят сразу несколько, – зайцев мы еще не отправляли». А один, который только подошел, переспрашивает: «Зайцев? А кто это?» «Я!» – говорю я и делаю шаг вперед. Ну, кто-то из андриков вникать дальше не стал и переправил меня.

– Не морочь детям голову, – мама хотела нахмуриться, но не удержалась, и губы расплылись в улыбке.

Когда папа дурачился, он делал это настолько мило и обаятельно, что никто не мог устоять.

– А мне нравится, – заявил Мишка. – Я же знаю, что папа нас веселит, а на самом деле все было по-другому. И андрики не разговаривают друг с другом, они все – одно.

– А как было на самом деле? – спросила Соня.

Папа переглянулся с мамой. Она пожала плечами.

– На самом деле всегда не так, как в рассказах, – сказал он. – На какой-то миг я забыл, что добро должно быть с кулаками, и мое же добро обратили против меня.

– А если не общими словами? – попросила Соня.

Папа снова оглянулся на маму. Она промолчала.

– Однажды требовалось дать отпор, а я, в соответствии с воспитанием, хотел решить дело терпением и великодушием. И меня пырнули заточкой. Как же я в тот миг захотел домой! В момент, когда самодельный нож коснулся груди, время остановилось, и мы с противником замерли в неестественных позах. К нам подошли два андрика – остановка времени их не коснулась. «Вы оба поступками и желаниями доказали нецелесообразность дальнейшего здесь пребывания». Через минуту я оказался дома.

Соня поглядела в небо:

– Уже близко.

Свет приближался. Он приближался быстро для материального тела, но для света – очень-очень медленно. На луч совсем не похоже, иначе были бы вспышка и удар по глазам. Свет, который несся навстречу, лучше назвать сиянием. Оно несло к Земле искристым туманом, и от него нельзя было оторвать взгляд.

Мама с папой обняли Соню, между ними протиснулся и влез в прощальные обнимашки неугомонный Мишка.

– Пора, – сказала мама.

Глава 3. Пора. Полет. Добро пожаловать

Впервые за много лет в глазах сильной и волевой мамы Соня увидела слезы.

Все отошли, свет упал на землю и захватил ее, как песчаная буря, где вместо песка и пыли искорки света, которые горели изнутри, как звезды, и непрестанно двигались, словно живые. Уже в нескольких шагах все было по-прежнему, маму, папу и Мишку буря сияния не затронула. Было похоже, будто с Луны на Соню направили луч прожектора.

Застывшую с открытым ртом, ее окутала сверкающая пелена. Вне светового тумана все стало блеклым и невзрачным, будто все краски мира заменили одним серым цветом. Зато вверх...

Глаза отказывались верить. Захватило дух. Такого неба Соня еще не видела. От горизонта до горизонта бездонную черноту пересекал густой Млечный путь, и каждая звездочка в нем, казалось, глядела на Соню и приглашала в гости. Небо дышало радостью встречи и приглашало знакомиться ближе.

Рядом из дымки соткались две фигуры. Высокие, статные, с немигающим взглядом. От кожи исходило внутреннее свечение, одежду составляло нечто старинное, из намотанного вокруг тела полотнища. От фигур веяло той галактической пустотой, куда только что глядели глаза Сони.

Андрики. Настоящие. Здесь, на Земле!

Андрики поклонились. У Сони в голове раздался отчетливый голос, хотя ни на одном из лиц не двигались губы:

– Мы за тобой.

Соня оглянулась. Мама, папа и Мишка исчезли, их словно бы перенесло в другую Вселенную. Здесь были только свет и невероятное предвкушение счастья.

– Я готова.

Соню взяли под руки, и...

Во сне она летала по-другому. Сама. Сейчас ее несли вертикально вверх, но тело не висело на чужих руках, оно тоже летело, направляемое с боков. Пушистые влажные облака промелькнули за пару секунд, со всех сторон раскинулась безбрежная, отливавшая голубизной, мутно-свинцовая ширь. Ветер не бил в лицо, при этом чувствовались и скорость, и холод, и запахи. Невероятно. Еще одно чудо.

Запахи быстро исчезли. Разряженная стратосфера, куда не забирались обычные самолеты, дирижабли и, тем более, надводники-экранопланы, ударила по нервам бесконечной безжизненностью.

Глядеть вниз было страшно. И незачем. Вся красота и мощь мира находились сверху, и Соня смотрела вверх.

Луна. Звезды. Галактики. Прочерки метеоров. Планеты.

Соня узнавала каждую планету. Память не только находила и воспринимала, но и усваивала информацию, в отличие от нулей. Не нужен поток, не нужны очки дополненной реальности, чтобы назвать Марс Марсом или отличить Юпитер от Сатурна. Для нулей жизнь на Луне превратится в ад, они не приспособлены к жизни вне потока.

Соня покосилась на своих невероятных спутников. Вживую, если так можно сказать про андриков, их видели только взрослые – в прошлом, когда тоже были двенадцатилетними. Ни до, ни после училища андрики с людьми не пересекались. Изображения, вынутые из памяти тех, кто вернулся, показывали нечеловечески красивых существ – внешне людей, но бесполох и бесстрастных, эмоционально похожих на роботов, которыми, в сущности, они и были. Андрики – роботы будущего, исполнители воли своих создателей. Мишке во сне являлся именно такой.

Интересно, а кто-нибудь пробовал распечатать андрика на принтере – на домашнем или поселковом? Андрики – искусственные организмы, значит, их можно повторять. Когда вернется, Соня обязательно попробует.

Казалось, что за спиной у них развеваются крылья. Или это сияние оставляло за собой след, как комета свой хвост? Или воображение разыгралось.

Полет. Почти как во сне, но там Соня летала сама, а здесь, как пушинку на руках, ее несли чудесные андрики, похожие на ангелов с древних рисунков.

– Вы похожи на ангелов, – сказала Соня. В безвоздушном пространстве голос разнесся как звук скрипки в концертном зале – звонкий, чистый, вибрирующий. Отчетливый и глубокий. Будто живой. Как Сонин дом отличался от прочих, так голос в космосе не походил на звучание человеческой речи в атмосфере.

– Нас называли по-разному, в том числе и так, как ты сказала, – произнес андрик, который летел и поддерживал справа. – Каждый воспринимает по-своему, поэтому у нас много имен и прозвищ. Но суть одна. Твое дело – понять ее правильно, если хочешь перейти на следующий уровень.

«Следующий уровень» немного напугал, мама говорила о нем как о чем-то отвлеченном, о деле далекого будущего, когда люди будут повелевать не только пространством, но и временем.

– Я не хочу на следующий уровень. Я хочу домой. – Соня знала, что андриков нельзя обмануть, поэтому добавила: – Посмотреть Луну – и сразу домой. Так можно?

– Можно все, но люди этого не понимают.

– Значит, вы плохо объясняете.

– Мы не можем дать больше, чем человек способен взять.

Луна стремительно приближалась, и Соня умолкла. Расспросы подождут до приземления, а такой полет никогда не повторится.

До приземления? Ха-ха. Надо привыкать к «прилунению», на время учебы домом станет Луна.

Соня оглянулась назад.

Земля. Огромная. Цветная. Только ради такого зрелища стоит идти в космонавты. Изумительный вид казался отчетливым и близким, будто перед глазами поставили телескоп. На снимках из космоса все не настолько сочно и величественно.

В ушах звенело от невыносимой тишины.

На Земле у организма работал вживленный слой защиты от перепадов температуры, от воздействия химии и радиации и от других опасностей, а в крови находились микрочастицы с кислородом – когда воздух не поступал путем дыхания, кислород пускался из них в кровоток, и человек мог спастись или, если ситуация не позволяла, хотя бы не умереть до прибытия помощи. Соня пользовалась этим, когда купалась подо льдом. При андриках никакая защита не работала. Соню окружало безвоздушное пространство. Но она дышала. Как? Непонятно. Чудо.

Каждое чудо как-то объясняется. Соня не могла объяснить работу домашнего принтера, который из сваливаемого в него мусора, из почвы, из воздуха и из отдельно покупаемых добавок делал все, от еды на кухне до одежды в шкаф-рамке. Такие же принтеры, только большие, стояли в каждом поселке и создавали все необходимое, от стройматериалов, мебели и техники до роботов, которые все это соберут и установят. Принтеры казались чудом, но кто-то же изобрел их, изготовил и поставил на службу людям. И живой дом, который вырастил папа – разве не чудо?

У андриков чудес было неизмеримо больше. Они сами были чудом.

Соня вспомнила давно мучивший вопрос:

– Вы мужчины или женщины?

– Мы не люди и не можем быть мужчинами или женщинами.

- Андрики – это ваше самоназвание?
- Мы уже говорили, что нас называли и называют по-разному. Вы зовете нас андриками от слова «андроид», потому что для вас мы принимаем человеческий вид.
- А какие вы по-настоящему?
- Это видит тот, кто переходит на следующий уровень.
- В будущем все достигнуто следующего уровня? Даже темные?
- Вопрос некорректен. Будущее и следующий уровень невзаимосвязаны, как и разделение на светлых и темных.

Круг серой пустыни над головой быстро рос и уже занимал больше места, чем оставшаяся позади родная планета. Изувеченная кратерами поверхность напоминала пенку молочного коктейля: если не выпить сразу, а на время забыть его, заигравшись или погрузившись в поток, круглые пузырьки постепенно исчезают или лопаются, их края становятся острыми, рваными и будто бы оплавившимися. Луна – стакан с забытым коктейлем, вид сверху. Умора. Стакан диаметром три с половиной тысячи километров. Сколько людей напьется из такой емкости?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.